

За рѣшеткой.

(Изъ тюремныхъ воспоминаній конца прошлаго вѣка).

I.

Какъ я очутился за рѣшеткой—объ этомъ говорить не буду, скажу только, что попалъ я туда въ самомъ началѣ весны 1893 года, когда природа только-что стала пробуждаться отъ долгаго зимняго сна. Какъ теперь помню, привезли меня къ тюрьмѣ на разсвѣтѣ. Жандармской офицеръ постучалъ въ желѣзную дверь, и черезъ нѣсколько секундъ она грузно отворилась. Мы вошли подъ ворота и, повернувъ направо, стали подниматься вверхъ по узкой каменной лѣстницѣ. Вся тюрьма спала. Было тихо, какъ въ могилѣ, и только съ нашимъ приходомъ тишину нарушилъ „малиновый звонъ“. Вотъ мы вошли въ тюремную контору, помѣщавшуюся въ небольшой неопрятной комнатѣ; въ ней на скамейкѣ лежалъ дежурный надзиратель, быстро вскочившій на ноги при нашемъ появленіи. Онъ заспаннымъ, недоумѣннымъ взоромъ окинулъ насъ.

— Позови начальника! утомленнымъ голосомъ произнесъ жандармскій офицеръ.

Надзиратель вышелъ.

Я сталъ у окна, выходящаго на тюремный дворъ, и началъ пристально всматриваться въ ряды чернѣвшихъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, стараясь рассмотреть за ними хотя одно человѣческое лицо, но вся тюрьма была погружена въ сонъ и за рѣшетками никого не было видно.

Жандармскій офицеръ, въ ожиданіи смотрителя, нервными шагами ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ. Простые жандармы съ утомлен-

ными, сонными лицами, молча, какъ изваянія, стояли около меня съ обнаженными палашами.

Скоро пришелъ начальникъ тюрьмы, небольшого роста, среднихъ лѣтъ человекъ, съ замѣтными слѣдами оспы на лицѣ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Жандармскій офицеръ передалъ смотрителю „бумагу“, что-то шепотомъ сказалъ ему и затѣмъ торопливо вышелъ изъ конторы, сопровождаемый жандармами, вложившими уже свои обнаженные палаши въ ножны. Опять раздался на лѣстницѣ „малиновый звонъ“, но черезъ нѣсколько секундъ все стихло.

— Васъ нужно обыскать! мягко проговорилъ смотритель, обращаясь ко мнѣ. Пожалуйста, снимите верхнее платье.

Я снялъ пальто, пиджакъ и жилетъ.

Надзиратель тщательно сталъ ощупывать всѣ карманы и складки. Деньги, бывшія при мнѣ, смотритель отобралъ, предварительно пересчитавъ ихъ.

По окончаніи обыска, надзиратель, обращаясь къ смотрителю, спросилъ: „ваше высокоблагородіе, казенное платье нужно выдать „имъ“?“

— Нѣтъ, вы можете носить свое платье, отвѣчалъ смотритель, обращаясь ко мнѣ. Завтра я посмотрю инструкцію, какъ съ вами поступать: мнѣ еще не приходилось имѣть дѣла съ политическими заключенными, хотя я вотъ уже восемь лѣтъ служу смотрителемъ, изъ нихъ пять лѣтъ служилъ въ уѣздной тюрьмѣ и четвертый годъ служу въ губернской. „Теперь вамъ надо идти въ камеру, продолжалъ смотритель послѣ минутнаго молчанія. Я прикажу дать вамъ свѣжую постель. Ничего не подѣлаете, нужно терпѣть! Можетъ быть, васъ скоро и освободятъ?“

— На это я не рассчитываю...

— Всяко бываетъ... Иного подержать мѣсяца два-три—и выпустятъ на свободу. Главное, не унывайте, не падайте духомъ! — утѣшалъ меня смотритель.

— Ну-съ пока до свиданья, въ заключеніе сказалъ онъ и, обращаясь къ надзирателю, прибавилъ: „отведи въ десятую камеру“!

Надзиратель повелъ меня.

Пройдя тюремный дворъ, мы вошли въ одноэтажное длинное каменное зданіе, въ корридорѣ котораго слабо мерцалъ огонекъ въ висѣвшемъ на стѣнѣ фонарѣ. Въ концѣ корридора, около предпоследней камеры, надзиратель остановился, отперъ тяжелую дверь и впустилъ меня въ камеру, вся обстановка

которой состояла изъ большой неуклюжей, сдѣланной изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ нары и маленькаго треугольнаго столика въ переднемъ углу, въ которомъ на стѣнѣ висѣла деревянная икона грубаго письма. Стѣны камеры были грязны и исписаны; на двери во всю ширину ея была вырѣзана довольно искусно ножомъ подпись: „Званкинъ“ съ большимъ росчеркомъ. Какъ послѣ я узналъ, это была фамилія политическаго заключеннаго, сидѣвшаго лѣтъ за шесть до меня. По рассказамъ старыхъ надзирателей, послѣ Званкина, до моего прибытія, тюрьма не видѣла въ своихъ стѣнахъ ни одного политика.

На дворѣ уже разсвѣло.

Я, какъ маятникъ, быстрыми шагами сталъ ходить по камерѣ взадъ и впередъ. Въ головѣ моей роились тысячи мыслей, одна другую погоняя, одна другую перебивая. Только-что пережитыя впечатлѣнія обыска, ареста, несмотря на всю ихъ реальность, казались какимъ-то сновидѣніемъ, дотога была рѣзка перемена въ моемъ положеніи. Нѣсколько часовъ тому назадъ, я находился среди близкихъ, друзей, знакомыхъ, былъ связанъ тысячью нитей въ окружавшемъ меня виѣшнимъ міромъ, но вдругъ всѣ эти нити разомъ порвались и я оказался отрѣзаннымъ отъ этого міра, отрѣзаннымъ отъ всего того, съ чѣмъ сжился за 29 лѣтъ своей жизни. Ощущенія, которыя я переживалъ въ тюрьмѣ въ первыя минуты, были такъ сложны, что выразить ихъ словами, въ особенности теперь, когда впечатлѣнія отъ времени уже стерлись, потускнѣли, я не въ состояніи, могу сказать только одно, что если мнѣ и приходилось переживать въ заключеніи тяжелыя минуты, то тяжесть ихъ главнымъ образомъ усугублялась думами не о себѣ, не о своей участи, а о близкихъ моему сердцу, которые, лишившись меня, остались въ горѣ. Мое воображеніе рисовало картины нужды, лишеній, которыя имъ придется переживать безъ меня. Ежели бы не эти думы, тяжести заключенія для меня были бы, по крайней мѣрѣ, вдвое легко; но и при такомъ настроеніи тюрьма не особенно удручала меня даже на первыхъ порахъ пребыванія въ ней.

Черезъ полчаса дверь моей камеры отворилась, и въ нее вошелъ приземистый старый арестантъ съ слезящимися красными глазами, съ „парашею“ въ рукахъ, которую онъ поставилъ на полъ, близъ двери, и, затѣмъ, посмотрѣвъ на меня своими большими добродушными глазами и ничего не сказавъ, тяжело вздохнулъ и вышелъ вонъ. Надзиратель засунулъ засовъ и заперъ дверь на замокъ. Запираніе дверей камеры во

все время моего сидѣнія, въ особенности въ этой тюрьмѣ, гдѣ затворы были тяжелы и первобытны, всегда вызывало во мнѣ непріятное, щемящее, обидное чувство. Въ грохотъ запираемыхъ дверей я чувствовалъ какъ-бы личное оскорбленіе, наносимое мнѣ.

Наконецъ мое тѣло потребовало отдыха, и я прилегъ на голую нару, положивши подъ голову пиджакъ и накрывшись пальто. Скоро я забылся нервнымъ, безпокойнымъ сномъ. Не знаю, долго ли я находился въ забытьѣ, но вотъ раздался звукъ отодвигаемаго дверного засова — и я моментально вскочилъ съ нары. Дверь моей камеры отперли, и ко мнѣ вошелъ смотритель въ сопровожденіи старшаго надзирателя.

— Здравствуйте! произнесъ смотритель. Сейчасъ вамъ принесутъ постель и подушку, а что понадобится—заявите дежурному надзирателю: они ваши просьбы будутъ докладывать мнѣ.

Сказавъ это, смотритель быстро удалился изъ камеры. Послѣ его ухода я подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться, приложивъ ухо къ круглому дверному отверстию, такъ называемому „глазку“ или „волчку“, черезъ который тюремщики наблюдаютъ за заключенными.

— Ты что же не становишься „на повѣрку“? слышалъ приказъ? сурово говорилъ старшій какому-то арестанту, сидѣвшему въ одной изъ ближайшихъ ко мнѣ камеръ. Арестантъ молчалъ. „Что же ты не отвѣчаешь? русскаго языка развѣ не понимаешь“? грозно крикнулъ старшій.

Послѣ этого окрика, арестантъ ломаннымъ русскимъ языкомъ что-то залепеталъ, но содержаніе этого лепета я не могъ разобрать.

Наконецъ обходъ удалился изъ нашего отдѣленія.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ „повѣрки“, надзиратель сталъ выпускать арестантовъ изъ камеръ въ корридоръ, и въ „глазокъ“ я наблюдалъ, какъ они съ парашками въ рукахъ проходили мимо моей камеры и затѣмъ возвращались обратно въ свои камеры уже безъ парашекъ. Нѣкоторые изъ проходившихъ арестантовъ заглядывали черезъ „глазокъ“ въ мою камеру и тихо спрашивали у меня, по какому дѣлу я посаженъ, гдѣ арестованъ и проч. Но на такихъ любопытствующихъ арестантовъ дежурный надзиратель, находившійся въ корридорѣ, грозно покрикивалъ: „Что тебѣ тамъ нужно? проваливай въ свою камеру“!

Наконецъ надзиратель отперъ и мою камеру, и въ нее вошелъ тотъ самый старикъ-арестантъ, который давеча принесъ

миѣ парашу. Старикъ молча взялъ обратно парашу, а надзиратель, стоявшій у порога, обращаясь ко миѣ, проговорилъ:

Пожалуйста, умываться! рукомойникъ вотъ здѣсь въ корридорѣ.

Я вышелъ въ корридоръ и сталъ умываться. Изъ камеры, которая находилась противъ рукомойника, въ „глазокъ“ смотрѣлъ на меня арестантъ. Въ этотъ моментъ въ одной изъ дальнихъ камеръ раздался стукъ въ дверь и надзиратель отправился туда.

Пользуясь этимъ моментомъ, арестантъ, смотрѣвшій на меня, обратился ко миѣ съ вопросомъ: „вы по какому дѣлу посажены?“—Я объяснилъ.—У кого же ваше дѣло находится? вѣрно у судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ?—Я вкратцѣ объяснилъ, у кого и какимъ порядкомъ ведется мое дѣло. Арестантъ выразилъ миѣ свое соболѣзнованіе и въ заключеніе замѣтилъ: „васъ, вѣроятно, отсюда скоро отправятъ въ Петербургъ?“ Умывшись, я съ большою осторожностью утеръ лицо краешкомъ грубаго, грязнаго полотенца, висѣвшаго на ручкѣ рукомойника. Полотенце, какъ видно, перемѣнялось очень рѣдко.

— Вамъ надо просить смотрителя, чтобы онъ разрѣшилъ вамъ покупать свою пищу, а то отъ казенной пищи вы можете заболѣть! участливо заговорилъ надзиратель, когда я, умывшись, вошелъ въ свою камеру.

— Развѣ казенная пища такъ плоха?

Въ обѣдъ даютъ сѣрыя пустыя щи, кисляя, какъ уксусъ, особенно въ теперешнее лѣтнее время, или же горохъ тоже пустой; мяса ни крошки не дается; все варится на салѣ. Раньше хотя понемногу давали мяса, теперь—нѣтъ!

На ужинъ даютъ тѣ же самыя кисляя, пустыя щи, либо горохъ. Хлѣба полагается на каждаго арестанта 2½ фунта въ день; хлѣбъ „ничего себѣ“, ѣсть можно. Вамъ пока нужно купить хотя чаю и сахару, продолжалъ надзиратель, по крайней мѣрѣ, развлеченіе будетъ. Кипятокъ у насъ раздаютъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Я вотъ въ 9 час. смѣнюсь съ дежурства, такъ зайду въ контору и скажу старшему, что вы просите купить чаю, сахару и булокъ. Деньги-то у васъ, вѣроятно, есть въ конторѣ?

Послѣ смѣны дежурства дверь въ моей камерѣ снова отперли. На этотъ разъ ко миѣ вошелъ старшій, низкорослый упитанный мужчина лѣтъ 40, съ глупо-дѣловымъ выраженіемъ на деревянномъ лицѣ.

Старшій важно спросилъ у меня, за что я арестованъ и по какому дѣлу.

Я удовлетворилъ его любопытство.

— Вы чаю, сахару и булокъ желаете купить чрезъ контору? въ заключеніе произнесъ онъ. Я прикажу надзирателю все это закупить для васъ! важно прибавилъ онъ, уходя изъ камеры.

Послѣ посѣщенія старшаго я часа два ходилъ по камерѣ. Разныя мысли беспорядочно толпились въ моей головѣ.

Вотъ въ третій разъ отперли мою камеру: старикъ-арестантъ, уже два раза бывшій у меня, принесъ мнѣ соломенникъ, подушку и одѣяло. Соломенникъ и подушка были набиты свѣжей соломой и потому стояли, какъ говорится, коломъ. Одѣяло было обыкновенное, солдатское, изъ сѣраго сукна, съ холщевымъ пододѣяльникомъ.

Полежавъ съ часъ на принесенной постели, я забрался на подоконникъ и сталъ смотрѣть на тюремный дворъ, по которому въ одиночку и кучками въ 5—10 человекъ сновали взадъ и впередъ арестанты и арестантки. Мимо моего окна особенно часто сновали двѣ женщины—пожилая и молодая—изъ которыхъ у первой на груди была мѣдная бляха. Послѣ я узналъ, что это тюремныя надзирательницы: пожилая—вдова священника, а молодая—племянница здѣшняго тюремнаго смотрителя.

Ходившіе мимо моего окна арестанты все поглядывали на меня: видимо имъ любопытно было знать, кто я и по какому дѣлу посаженъ.

Вотъ неподалеку отъ моего окна остановилась небольшая кучка арестантовъ съ лопатами и вилами въ рукахъ, по всему было видно, что они отправлялись на работу въ тюремный огородъ и поджидали конвоира-надзирателя, который гдѣ-то замѣшкался.

Арестанты искоса посматривали на меня. Хотя они старались говорить между собою возможно тише, но до меня, все-таки, долетали почти всѣ слова и фразы, которыми они обмѣнивались.

— Полякъ, вѣрно? сухо произнесъ старый арестантъ, съ худымъ выцветшимъ лицомъ.

— Нѣтъ, говорятъ, русскій! отвѣчалъ молодой высокій арестантъ съ розовымъ лицомъ, видимо недавно поступившій въ тюрьму и потому не успѣвшій еще привыкнуть.

— „Такихъ“ и слѣдуетъ сажать! съ сердцемъ сказалъ старый арестантъ.

— У всякаго, братъ, своя линія, это дѣло не нашего ума! возразилъ молодой арестантъ.

Старикъ что-то пробурлилъ и затѣмъ замолчалъ.

— А все-таки „имъ“ почетъ дается: въ своемъ платьѣ сидитъ и постель „на день“ не убирается! промолвилъ низко-рослый рябой арестантъ добродушнаго вида.

— Мягко стелютъ, братъ, да жестко спать! съострилъ кто-то изъ арестантовъ. Раздался легкій смѣхъ.

Подъ вечеръ мнѣ принесли осьмушку чая, 2 фун. сахару, двѣ французскихъ булки, фунтъ колбасы, лимонъ, жестяной чайникъ и стаканъ съ блюдечкомъ. Все это, разумѣется, было куплено за мои деньги, находившіяся въ тюремной конторѣ.

Скоро стали разносить по камерамъ кипятокъ, я заварилъ себѣ чаю и съ аппетитомъ выпилъ нѣсколько стакановъ.

Послѣ чаю старикъ-арестантъ принесъ мнѣ ужинъ—чашку мустыхъ кислыхъ щей, безъ всякихъ признаковъ навара.

— Я думаю, здѣшнія щи вамъ не понравятся? замѣтилъ дежурный надзиратель, когда мнѣ былъ поставленъ на нару старый грязный, выдавшій виды, деревянный жбанчикъ съ варкой и вручена была толстая и большая деревянная ложка.

Не успѣлъ еще старикъ-арестантъ, принесшій мнѣ щи, выйти изъ моей камеры, какъ въ нее вошелъ смотритель и, бросивъ свой взглядъ на жбанчикъ, строго крикнулъ на старика: „болванъ, даетъ варку въ ведеркѣ, какъ мужику... въ чашкѣ долженъ подавать“!.. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, смотритель произнесъ: „я былъ въ городѣ и досталъ инструкцію. Вы можете писать письма роднымъ и знакомымъ, разумѣется, я буду посылать ихъ „полковнику“ на просмотръ; также буду посылать ему на просмотръ и письма, которыя будутъ присылаться въ тюрьму на ваше имя. Когда вздумаете писать письма — заявите объ этомъ дежурному надзирателю, а онъ доложитъ мнѣ, и я всякій разъ буду вызывать васъ въ тюремную контору, гдѣ вы и можете писать письма“.

Около 8 час. вечера въ нашемъ корридорѣ раздалась команда: „становись на повѣрку!“

По этой командѣ, какъ послѣ объяснилъ мнѣ дежурный надзиратель, арестанты должны стать каждый у своей нары, чтобы обходъ, не заходя въ камеру, могъ видѣть черезъ „глазокъ“ каждаго арестанта.

Противъ ожиданія первую ночь въ тюрьмѣ я провелъ хорошо, спокойно. Хотя около двухъ часовъ я вертѣлся на своемъ неудобномъ ложѣ, не смыкая глазъ, но, наконецъ,

утомленные нервы запросили отдыха, успокоенія, и я уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Пробужденіе въ тюрьмѣ, какъ въ этотъ разъ, послѣ первой проведенной въ ней ночи, такъ и послѣ, почти всегда вызывало во мнѣ тягостное, непріятное чувство. Я безъ малаго 2 года высидѣлъ въ строго одиночномъ заключеніи, и за этотъ промежутокъ времени мнѣ приходилось переживать самыя разнообразныя, душевныя настроенія: и тягостныя, и радостныя, и печальныя, но я не помню, чтобы хотя однажды въ моментъ пробужденія отъ сна на тюремной койкѣ я чувствовалъ себя прекрасно, тогда какъ въ остальное время, проведенное въ тюрьмѣ, мнѣ нерѣдко приходилось переживать чудныя минуты экзальтированнаго состоянія, минуты, о которыхъ по выходѣ изъ тюрьмы я вспоминалъ съ сожалѣніемъ, такъ какъ на волѣ уже ничего подобнаго мнѣ не приходилось переживать.

II.

Въ числѣ арестантовъ, часто ходившихъ мимо окна моей камеры, былъ одинъ молодой красивый еврейчикъ лѣтъ 18—20, который, однажды, улучивъ благопріятный моментъ, когда на дворѣ не было ни зрителя, ни старшаго, остановился подъ моимъ окномъ и завелъ со мною разговоръ. Изъ краткой бесѣды нашей выяснилось, что юный еврейчикъ нѣкоторое время жилъ въ одномъ со мною городѣ и хорошо зналъ меня, хотя лично со мною и не былъ знакомъ.

Однимъ вечеромъ этотъ еврейчикъ, проходя мимо моей камеры, бросилъ мнѣ въ открытое окно букетъ сирени, напомнившій мнѣ среди каменныхъ тюремныхъ стѣнъ о весенней зелени полей, лѣсовъ и садовъ, и непріятное, щемящее чувство на нѣсколько минутъ охватило меня. Сидѣть въ тюрьмѣ въ лѣтнее время значительно тяжелѣе, нежели въ осеннее и зимнее; въ особенности непріятное, тоскливое, тягостное чувство испытываетъ заключенный въ началѣ весны, когда природа пробуждается отъ зимняго сна и на дворѣ стоятъ первые теплые солнечные дни, которые такъ манятъ, зазываютъ узника на волю... Хотя въ стѣнахъ тюрьмы заключенный и не видитъ полной картины пробужденія природы, не видитъ, напримѣръ, первой пробивающейся изумрудной зелени; но эта картина ясно представляется его воображенію, которое въ этомъ случаѣ работаетъ съ замѣчательною ясностью и живостью.

На слѣдующій день утромъ послѣ брошеннаго мнѣ въ окно букета, когда я выходилъ въ корридоръ умываться, одинъ арестантъ сообщилъ мнѣ, что еврейчику, который вчера бесѣдовалъ со мной и передалъ мнѣ букетъ сирени, „досталось“ отъ старшаго.

Сообщеніе это оказалось вѣрнымъ: еврейчикъ хотя по-прежнему ходилъ мимо моего окна, но уже не останавливался подъ нимъ и не вступалъ со мной въ разговоръ.

Съ первыхъ же дней моего поступленія въ тюрьму я сталъ строить планы о томъ, какъ бы мнѣ раздобыть карандашъ, чтобы имѣть возможность заносить на бумагу мысли и чувства, толпившіяся въ моей головѣ и не давашія мнѣ покою. Однажды утромъ я былъ позванъ въ контору для написанія письма къ роднымъ, и вотъ тамъ мнѣ удалось незамѣтнымъ образомъ сунуть въ свой карманъ небольшой шматокъ карандаша. Этотъ шматокъ карандаша лежалъ на томъ столѣ, за который я сѣлъ писать письмо; за этимъ же столомъ сидѣлъ, углубившись въ свои бумаги, помощникъ смотрителя; самъ же смотритель сидѣлъ за другимъ столомъ, нѣсколько поодаль. Какъ только я запримѣтилъ карандашъ на столѣ, у меня явилось желаніе взять его себѣ тайкомъ, похитить, и я сталъ испытывать сильное душевное волненіе, какъ слѣдствіе борьбы двухъ побужденій, изъ которыхъ одно толкало меня къ похищенію карандаша, а другое противилось этому. Побѣда осталась за первымъ побужденіемъ, и я, улучивъ удобную минуту, сунулъ карандашъ въ карманъ пиджака.

Въ камеру я вернулся въ возбужденномъ, нервномъ состояніи. Въ головѣ у меня гнѣздилась мысль, что въ конторѣ замѣтятъ исчезновеніе карандаша и въ похищеніи его заподозрятъ меня, придутъ на обыскъ... Подъ давленіемъ этой мысли я тщательно запряталъ карандашъ въ щель нары и только послѣ этого немного успокоился. Похищенный карандашъ я берегъ, какъ какую-нибудь драгоценность. Изъ оберточной бумаги, въ которой приносили мнѣ сѣстные припасы, я сдѣлалъ маленькую записную книжку, въ которую украдкой заносилъ свои мысли, впечатлѣнія и наблюденія.

Въ первую же недѣлю моего тюремнаго сидѣнья два раза раздавался въ нашемъ корридорѣ громкій возгласъ дежурнаго надзирателя Фролова: губернаторъ пріѣхалъ“!

Слыша этотъ возгласъ, я полагалъ, что дѣйствительно, въ тюрьму прибылъ мѣстный губернаторъ въ качествѣ посѣтителя, но, разумѣется, не арестанта... Однако, не замѣчая никакихъ

признаковъ, по которымъ можно было бы судить о прибытіи въ тюрьму почетнаго посѣтителя, я послѣ одного такого возгласа, обуреваемый недоумѣніемъ, обратился къ Фролову съ вопросомъ: „вы уже второй разъ на протяженіи недѣли объявляете намъ о пріѣздѣ въ тюрьму губернатора, а мы еще ни разу не удостоились его видѣть?“

На этотъ вопросъ Фроловъ, улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ: губернаторомъ мы называемъ горохъ: когда по постнымъ днямъ—въ среду и пятницу—для арестантовъ приносятъ на обѣдъ горохъ, вотъ я и кричу: „губернаторъ пріѣхалъ! а арестанты уже знаютъ, какой такой губернаторъ пріѣхалъ“.

Однообразной чередой потянулись дни моей тюремной жизни; въ общемъ всѣ они были похожи другъ на друга, но въ частности каждый день приносилъ какое-нибудь новое впечатлѣніе, ощущеніе, новую радость или огорченіе. Со страстнымъ нетерпѣніемъ я всегда ожидалъ писемъ близкихъ; собственно, одни только письма и связывали меня нѣкоторымъ образомъ съ внѣшнимъ міромъ. Поэтому полученіе каждаго письма являлось для меня событіемъ, всегда сильно волновавшимъ меня.

Какъ я уже упоминалъ, любимымъ моимъ развлеченіемъ въ тюрьмѣ было—торчать въ окнѣ и наблюдать ту маленькую жизнь, какая происходила на тюремномъ дворѣ. Но я совсѣмъ не зналъ, что тюремными правилами арестантамъ строго воспрещается даже въ дневное время лазать на подоконники и смотрѣть въ окна. Однажды наружный часовой изъ тюремныхъ надзирателей, стоявшій подъ окнами нашего подслѣдственнаго отдѣленія, какъ-то замѣтилъ мнѣ, что смотрѣть въ окна не дозволяется. „Когда на дворѣ нѣтъ смотрителя или старшаго, наставлялъ меня, вы можете смотрѣть въ окно, а когда замѣтите кого-либо изъ нихъ, тѣ прячьтесь, а то насъ будутъ ругать, зачѣмъ мы позволяемъ смотрѣть въ окно“. Вскорѣ послѣ этого наставленія я нарвался на замѣчаніе со стороны старшаго за смотрѣнье въ окно. Я преспокойно сидѣлъ на подоконникѣ и не замѣтилъ, какъ старшій проходилъ подъ окнами нашего отдѣленія. Вскинувъ глаза, онъ увидѣлъ меня въ окнѣ и сухо проговорилъ: „слѣзьте съ окна: въ окна запрещается смотрѣть!“

Я покорился этому приказанію, но черезъ нѣсколько минутъ, когда старшій ушелъ со двора, снова торчалъ въ окнѣ.

Самъ смотритель неоднократно видѣлъ меня въ окнѣ, но ни разу замѣчаній по этому поводу мнѣ не дѣлалъ. Но и отъ старшаго я уже больше не получалъ замѣчаній за смотрѣнье

въ окно, хотя онъ послѣ описаннаго случая неоднократно видѣлъ меня въ окнѣ.

III.

Пробывъ мѣсяцъ въ тюрьмѣ, я вполне освоился съ ней, узналъ всѣ тюремные порядки, познакомился со всѣми надзирателями, дежурившими въ подслѣдственномъ отдѣленіи, бесѣдовалъ съ ними цѣлыми часами о разныхъ разностяхъ, завелъ знакомства со многими арестантами. И мнѣ такъ удалось устроиться въ тюрьмѣ, несмотря на то, что меня держали въ одиночкѣ и постоянно подъ замкомъ. Тягостиѣ всего для меня была отрѣзанность отъ внѣшняго міра и незнаніе того, что въ немъ совершается. Я, кажется, согласился бы черезъ день кушать, но только, чтобы мнѣ разрѣшили получать газету. На основаніи двухлѣтняго личнаго опыта, я полагаю, что для интеллигентнаго заключеннаго, въ особенности одиночнаго, тяжелѣе всего переносить лишеніе права пользоваться текущими газетами и журналами. Если политическому узнику удастся отъ времени до времени тайкомъ получить газету, хотя бы даже низкопробную, завести сношеніе съ волей, съ товарищами по заключенію или съ оставшимися на волѣ, то самое заключеніе станетъ для него вдвое легче.

Съ младшими тюремными надзирателями у меня установились самыя хорошія отношенія; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что они стали повѣрять мнѣ свои огорченія служебнаго и личнаго характера; жаловались на свою „собачью“ службу и говорили, что служить въ тюрьмѣ ихъ заставляеть одно горе, потому что больше „дѣться некуда“.

— Только „отъ горя“ служишь на этомъ мѣстѣ!—часто жаловался мнѣ надзиратель Петровъ, съ которымъ я ближе, чѣмъ съ другими, сошелся, сошелся до того, что во время своего дежурства онъ даже часто не запиралъ на замокъ моей камеры.

„Въ деревню идти еще хуже,—продолжалъ жаловаться Петровъ на свою жизнь:—тамъ братъ мой сидитъ на одномъ надѣлѣ съ восьмерыми дѣтками, бьется, какъ рыба объ ледъ, часомъ съ квасомъ, а порой съ водой! Куда жъ мнѣ лѣзть къ нему, когда онъ и самъ, порой чуть-ли не безъ хлѣба сидитъ? Пожалуй, иди въ деревню, наймись въ работники къ богатому мужику, такъ, вѣдь, онъ за пятьдесятъ цалковыхъ въ годъ всѣ жилы изъ тебя вымотаетъ“! Въ народѣ все болтають, что „безземельнымъ“, не попавшимъ въ ревизію, какъ я, къ примѣру, землю будутъ нарѣзать: отъ помѣщиковъ отбирать, а

крестьянамъ нарѣзать; но, я думаю, этому вѣрить нельзя; давно вѣдь, говорятъ, что „ревизія“ будетъ, а все ничего нѣтъ!

По этому вопросу мы съ Петровымъ долго разсуждали, и въ заключеніе нашей бесѣды онъ со вздохомъ произнесъ: „нѣтъ, пока въ деревнѣ дѣлать нечего, безъ земли тамъ пропадешь, какъ тараканъ на морозѣ! Запустилъ недоимку—продадутъ послѣднюю „рухлядь“. Вотъ въ нашей, къ примѣру, волости—страсть, какъ стали раззорять мужиковъ за недоимки! Не изъ чего заплатить подати—сейчасъ продажу устраиваютъ! Земскій у насъ лютый! такого страху нагналъ на мужиковъ, что точно полоумные стали. Заслышитъ по дорогѣ мужикъ колокольчикъ—издали ужъ шапку снимаетъ: земскій, значить, катитъ, а смотришь: вмѣсто земскаго земскій почталіонъ ѣдетъ“.

IV.

На дворѣ чудный іюньскій вечеръ. Солнце уже близится къ закату. Въ городскомъ саду „полковая музыка“ играетъ „Невозвратное время“. На насъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, музыка производитъ раздражающее дѣйствіе; по крайней мѣрѣ, такое дѣйствіе она производила на меня. Смотритель уже сдѣлалъ „повѣрку“, т.-е. обошелъ, въ сопровожденіи старшаго, всѣ камеры, пересчиталъ арестантовъ и отобралъ на ночь ключи отъ надзирателей. Въ общихъ камерахъ черезъ отворенныя окна слышенъ неясный говоръ не улегшихся еще спать арестантовъ. Въ нашемъ же отдѣленіи царитъ тишина, нарушаемая лишь шагами дежурнаго надзирателя, лѣнливо прохаживающагося по корридору, и неприятнымъ, щемящимъ душу, лязгомъ кандаловъ, раздающимся въ шестой камерѣ, въ которой сидитъ худенькій, изнуренный человѣчекъ, называющій себя „Антоніемъ Непомнящимъ“.

„Похожу этакъ до полуночи, а тамъ и прилягу маленько! размышляетъ надзиратель, молодой 27-лѣтній запасной солдатъ, только полгода тому назадъ поступившій на службу въ тюрьму, уже успѣвшую надоѣсть ему хуже горькой рѣдьки. Арестанты цѣлы будутъ, продолжаетъ размышлять Фроловъ, убѣжать отсюда имъ трудно: тюремная стѣна высока, да и ночи теперь почти нѣтъ—заря съ зарей сходится.“

До двѣнадцати часовъ оставалось еще цѣлыхъ три часа. Фролову нужно было какъ-нибудь скоротать это время. „Поболтать развѣ съ Преображенскимъ? мелькнуло у него въ головѣ. Онъ чудной такой! подразню, постращаю его, все время не такъ протянется. И съ этою мыслью Фроловъ подошелъ къ

шестой камерѣ и, заглянувъ въ „глазокъ“, полушутливо, полусерьезно спросилъ: „Преображенскій, ты еще не спишь“?

— Самъ видишь, что не сплю! чего же спрашиваешь? недовольнымъ, раздражительнымъ тономъ произнесъ арестантъ, лежавшій на нарѣ, при малѣйшемъ движеніи котораго раздавалась жуткая, хватающая за сердце „кандальная музыка“. Арестанту этому по виду можно было дать лѣтъ 55 — 60. Онъ былъ средняго роста, худощаваго сложенія, съ небольшою рѣденькою клинообразною бородкою и сѣрыми острыми глазами, во взглядѣ которыхъ замѣчалось что-то не нормальное, болѣзненное.

— Что же ты меня зовешь Преображенскимъ, когда меня зовутъ „Антоніемъ Непомнящимъ“? сердито добавилъ потревоженный арестантъ, приподнимаясь съ нары.

— Я тебя такъ зову, какъ ты линешься по бумагамъ! дразнящимъ тономъ проговорилъ Фроловъ.

— По бумагамъ меня неправильно называютъ. Я не Преображенскій; а Антоній Непомнящій! вразумительно, но съ раздраженіемъ въ голосѣ произнесъ арестантъ.

— А славные тебѣ, Преображенскій, кандалы надѣли, старинные „петровскіе“, въ цѣлыхъ двѣнадцать фунтовъ! трунилъ надзиратель.

— Ни за что надѣли! по неправдѣ надѣли! нервно и раздражительно заговорилъ арестантъ, слѣзая съ нары и начиная быстро ходить по камерѣ взадъ и впередъ, гремя кандалами. Тиранить, мучить меня стали за то, что я не далъ снять съ себя карточки!

— А почему же ты не далъ снять съ себя карточки? вѣрно, боишься, что узнаютъ твою настоящую фамилію, откроютъ, кто ты есть такой?

— Развѣ дуракъ я, что бы позволилъ снять съ себя карточку? Мало-ль есть на свѣтѣ людей, похожихъ другъ на друга! Можетъ быть, похожій на меня человекъ сбѣжалъ съ каторги, его розыскиваютъ по разосланнымъ по всѣмъ полиціямъ его карточкамъ и, вмѣсто него, по карточкѣ могутъ забрать меня!

— Вѣрно, ты и впрямь есть бѣглый каторжникъ, потому-то и не даешь снимать съ себя карточки и скрываешь свое настоящее имя?

Послѣднія слова, сказанныя Фроловымъ, вывели Непомнящаго изъ себя. Онъ еще быстрѣе, какъ маятникъ, заходилъ по камерѣ и дрожащимъ отъ волненія и раздраженія голосомъ заговорилъ:

— На каторгѣ я не былъ и не знаю, что такое каторга... Я шесть лѣтъ находился въ домѣ умалишенныхъ въ Казани и два года тому назадъ сбѣжалъ оттуда и съ тѣхъ поръ все хѣдилъ по монастырямъ...

— Врешь все ты! зачѣмъ тебя стали бы держать въ домѣ сумасшедшихъ, коли ты вовсе не похожъ на сумасшедшаго?

— Не вру я, а чистую правду говорю! Меня доктора, профессора признали не сумасшедшимъ, а „неизлѣчимо психически больнымъ“! вотъ какъ! важно произнесъ Непомнящій. Приговорили меня держать въ домѣ умалишенныхъ по самую смерть. но мнѣ тамъ надоѣло жить, и я сбѣжалъ въ то время. когда всѣхъ насъ, по случаю перестройки нашего дома, перевозили въ Оренбургъ...

— А какъ же ты не помнишь, гдѣ ты родился и кто твои родители?

— Не помню да и все тутъ! Гдѣ родился, не знаю, отца и матери не помню...

— А почему же ты называешь себя „Антоніемъ Непомнящимъ“?

— Такъ меня звали въ домѣ умалишенныхъ, такъ и я сталъ называть себя.

— А гдѣ же ты взялъ паспортъ на имя Преображенскаго, который нашли при тебѣ, когда тебя забрали? ты, вѣрно, самъ смастерилъ его?

— Паспорта я не поддѣлывалъ. а купилъ его въ Саратовѣ за три цѣлковыхъ отъ одного незнакомаго человѣка.

Молчаніе.

— Я, братъ, всю Россію исходилъ вдоль и поперекъ, снова заговорилъ Непомнящій,—былъ и въ Крыму, и на Кавказѣ, и на Соловецкихъ островахъ, и въ Москвѣ, и въ Астрахани. Хѣдилъ по монастырямъ—Богу молился, ходилъ по попамъ—на скрипкѣ игралъ! Эхъ, и скрипка же у меня славная! не разломали бы ее только здѣсь, въ вашей тюрьмѣ! мечтательно заключилъ Непомнящій, тяжело вздыхая.

— Продай мнѣ, Преображенскій, свою скрип у? съ наускною серьезностью промолвилъ надзиратель.

— Жаль, а продать могу, но только меньше десятки не возьму я за нее...

— Возьми тройку?

— Нѣтъ, за тройку ни за что не продамъ. Я и за десятку продаю только потому, что горе заставляеть: самъ видишь, цѣлый мѣсяцъ сижу у васъ безъ чаю и сахару; совсѣмъ смо-

дѣлъ. Были бы хотя маленькія деньги, не сталъ бы продавать своей скрипки,—больно ужъ хороша она и жаль мнѣ съ ней разставаться!

— А гдѣ же ты, Преображенскій, выучился на скрипкѣ играть?

— Опять же въ домѣ умалишенныхъ въ Казани. Тамъ намъ все давали чай, сахаръ, табакъ, скрипки, гармоніи, балалайки, и здѣсь у васъ, въ острогѣ, и варки настоящей не даютъ, кормятъ какимъ-то „лошккомоемъ“.

— На то и острогъ! вразумительно промолвилъ надзиратель. Не думаешь ли ты, что тебя жаркимъ кормить здѣсь будутъ?

— Не жаркимъ... а хотя-бы варку давали мало-мальски похожую на чтонибудь!

— Незъчего: казна денегъ мало отпускаетъ на вашего брата, всего восемь копѣекъ въ день на человѣка, тутъ и на хлѣбъ, и на приварокъ.

— И за эти деньги, все-таки, можно было бы лучше кормить... А какъ изъ восьми копеекъ между рукъ разойдутся одна-двѣ копейки, то, понятно, и остается только „лошккомоемъ“ кормить! Знаемъ, братъ, мы и осторожные порядки!.. многозначительно заключилъ Непомнящій...

— Объ этомъ оставь говорить, старикъ! перебивая рѣчь Непомнящаго, съ напускною строгостью произнесъ Фроловъ. Ты вотъ лучше Расскажи мнѣ, какъ ты мужика зарѣзалъ подь Изборскомъ? ограбить, вѣрно, хотѣлъ его?

— Я не воръ и не грабитель! вспыхнулъ Непомнящій. Меня самого этотъ мужикъ чуть не задушилъ. За мной, какъ за звѣремъ, гнался урядникъ съ мужиками. Одинъ здоровенный большой мужикъ нагналъ меня уже въ лѣсу, сбиль съ ногъ, навалился на меня и сталъ душить. Вижу я—смерть моя приходитъ... кое-какъ досталъ я ножикъ изъ кармана, да и всадилъ его мужику въ брюхо. Если бы не ножикъ, мужикъ задушилъ бы меня совсѣмъ... У меня и теперь болятъ бока отъ его лапъ.

— А плохо тебѣ будетъ за мужика?

— Ничего не будетъ, потому я отъ смерти оборонялся! всякому братъ „живая смерть“ страшна!

— Что ты ни говори, Преображенскій, а бывать тебѣ на каторгѣ, честное слово—бывать!

— Не былъ я на каторгѣ и не бывать мнѣ тамъ, а отправить меня на старое мѣсто—въ домъ умалишенныхъ въ Казань. Большое дѣло—мужика убилъ! Спроси, чего этотъ мужикъ такъ

за мной гнался? Что я ему сдѣлалъ худого, когда я его ни разу во всю свою жизнь и не видалъ? Урядникъ, видишь, призналъ меня за бродягу и приказалъ мужикамъ поймать меня, а они, псы, готовы на стѣну лѣзть! Ну, пусть урядникъ и ловилъ бы меня, его должность такая собачья, а мужики-то чего старались? Что ихъ водкой за это угостили, что-ли? Прохвосты, гады ползучіе! Начальство прикажетъ имъ, такъ горло готовы перегрызть своему же брату простому человѣку!

Продолжительное молчаніе.

— А карточку, все-таки, снимутъ съ тебя, Преображенскій! съ лукавою усмѣшкой произнесъ надзиратель, возобновляя прерванный разговоръ.

Напоминаніе о карточкѣ снова взбудорожило Непомнящаго.

— Во вѣки вѣковъ не дамъ снять съ себя карточки! съ бѣшенствомъ заговорилъ онъ, мечась по камерѣ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Зубы всѣ разобью тому, кто будетъ снимать карточку! Я никого не боюсь: ни вашего губернатора, ни прокурора, ни смотрителя! Что они могутъ мнѣ сдѣлать? Вонъ въ Саратовѣ и Царицынѣ—одинъ мнѣ знакомый человѣкъ рассказывалъ еще на волѣ—народъ взбунтовался. Докторовъ, полицію перебили... А почему народъ взбунтовался? Потому, что начальство стало хитрить, захотѣли знать больше Бога... Доктора, по приказанію высшаго правительства, стали магнитизировать простой народъ, чтобы узнать его мысли, тайны, что онъ думаетъ про начальство, про господь... Заберутъ простыхъ людей въ больницы, будто отъ холеры лѣчить, а сами надѣнутъ имъ рубашки, обмоченныя въ намагниченной водѣ, а потомъ и читаютъ, какъ по книгѣ, что они думаютъ... Народъ про это прозналъ и взбунтовался! Самъ посуди, развѣ можно заниматься такимъ волшебствомъ и чародѣйствомъ? съ жаромъ продолжалъ Непомнящій. Великій, смертный грѣхъ узнавать чужія тайны. Человѣкъ можетъ открыть свои тайны только одному Богу, тайно заключилъ онъ.

— Плетешь ты, старикъ, какую-то плетеницу! никакъ ты и впрямь сумасшедшій? покачивая головой, произнесъ надзиратель.

— Не плету я плетеницу, а истинную правду говорю! Я, братъ, все понимаю... священное писаніе на память знаю... я тебѣ, если хочешь, всю Четви Минею могу рассказать? Спроси любой псаломъ изъ псалтыря, любую главу изъ евангелія—все передамъ слово въ слово, какъ въ книгѣ.

— Быть правдѣ, что ты знаешь все священное писаніе? сомнѣвался надзиратель.

— Коли говорю, значитъ, знаю! раздражительно отвѣчалъ Непомнящій. Не только священное писаніе знаю, законы всѣ знаю: уставъ гражданскаго судопроизводства, уставъ уголовнаго судопроизводства, уложеніе о наказаніяхъ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—все читалъ и все знаю...

— По острогамъ сидѣвши, можно было законамъ научиться! насмѣшливо замѣтилъ надзиратель.

Непомнящій снова вспыхнулъ, какъ порохъ, и съ нервною дрожью въ голосѣ заговорилъ:

— По острогамъ, говорю тебѣ, я не сидѣлъ, теперь вотъ только въ первый разъ попалъ сюда!

— Не въ первый, а, можетъ быть, въ десятый разъ сидишь! дразнилъ надзиратель.

— Что ты ко мнѣ пристаешь, какъ банный листъ! гнѣвно воскликнулъ Непомнящій. Вы меня своимъ волшебствомъ, чародѣйствомъ замучить хотите! Я знаю: вашъ смотритель чародѣй, чернокнижникъ! онъ меня въ кандалы заковалъ, а теперь хочетъ „намагнитить“, узнать, что я думаю, узнать всѣ мои тайные помыслы... Я царю буду жаловаться... это чародѣйство... тиранство... великій грѣхъ...

„Ну, замолоть ерунду! промолвилъ про себя надзиратель, отходя отъ „глазка“, черезъ который бесѣдовалъ съ Непомнящимъ, продолжавшимъ ругать начальство за его волшебство...

„А чудной, право, этотъ старичишка! размышлялъ надзиратель, укладываясь на полу, около стѣны, съ намѣреніемъ вздремнуть маленько. Видно, что бывалый, тертый калачъ! говоритъ, что по книжкѣ читаетъ, только голова-то у него того... какъ будто порядочно прихрамываетъ...

М. Сафоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

